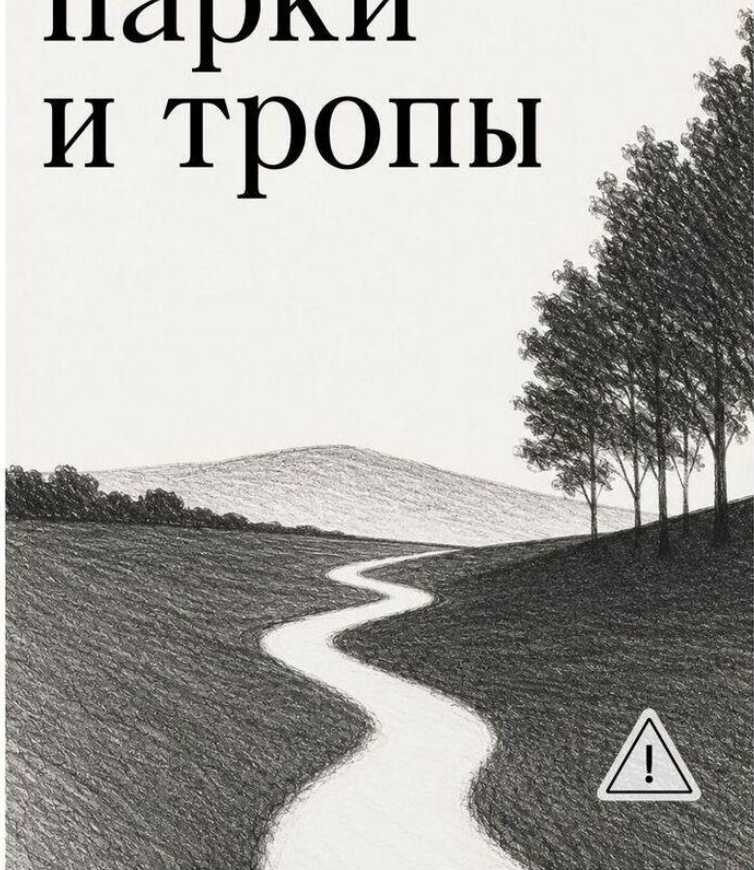

Михаил Бесчастный

18+

Парки и тропы

Михаил Бесчастный

Парки и тропы

<https://litres.ru/74503948>

ISBN 9785007129312

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Сборник малой прозы и эссеистики, написанный молодым автором. Описать всю книгу разом довольно сложно, ведь за обложкой скрываются как пропитанные любовью к России путевые заметки, так и мистические истории. Чтение этой книги похоже на прогулку по тропе, неровную, разношёрстную, но интересную.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Особая благодарность моему верному редактору Лилии Блюминой, моему не менее верному корректору Ольге Кирий и талантливому художнику Полине Пензенской	5
2-2-2	6
Школьный опыт	6
Холодный ветер с Волги	16
Зелёный как смысл жизни	29
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Парки и тропы

Михаил Андреевич Бесчастный

Редактор Лилия Блюмина

Корректор Ольга Кирий

Дизайнер обложки Полина Пензенская

© Михаил Андреевич Бесчастный, 2026

© Полина Пензенская, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-2931-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Особая благодарность моему
верному редактору Лилии
Блюминой, моему не менее
верному корректору Ольге
Кирий и талантливому
художнику Полине Пензенской**

2-2-2

*Любовью пусть занимаются и стихи пишут
нэпманские сынки, а с нас довольно здоровой
потребности, для удовлетворения которой мы не
пойдем к проституткам, потому что у нас есть
товарищи.*

Пан. Романов, «Суд над пионером», 1926

Пинки посвящается

Школьный опыт

Я долго думал, с чего можно было бы начать этот роман, или мемуары, или не знаю что. В итоге я пришёл к тому, что это история о том, что любви не существует. Это умозаключение не есть плод подросткового нигилизма или отрицание любви как чувства. Любви не существует как доказанного факта, во всяком случае к такому выводу я пришёл пока, во всяком случае по отношению к себе, по крайней мере любви со счастливым концом. У меня нет цели принизить кого-то или выставить себя рыцарем на белом коне. Я не виню женщин, что оставили след в моей жизни, надеюсь, что они поступают так же. Все совпадения с реальностью являются случайными.

Я был обычным жителем спального района провинциального южного города. Друзей у меня не было, но не могу сказать, что я был изгоем. У меня были эпизодические товарищи: с кем-то заставляли дружить родители, чтобы я был «нормальным», с кем-то я сам по мимолётному наваждению пытался быть рядом, но глубоких отношений с этими людьми не возникало. Общение с ровесниками мне было не интересно. Я не был гением, как не был и идиотом. Учился я посредственно, стабильно получал «тройки» по русскому и «хорошо-отлично» по остальным предметам. За такие «успехи» в учёбе я стабильно был наказан родителями. Купленный на скопленные деньги телефон был большую часть времени изъят, под запретом оказывались и все остальные формы досуга. В начальной школе под изъятия попадали даже книги, поскольку кроме телевизора и них у меня развлечений толком не было. Конечно, данные условия не могли не оказать влияния на мою личность, но спешу Вас заверить, что семья моя была благополучной, и, хоть сейчас я с некоторыми аспектами моего воспитания не согласен, но крайне признателен родителям, а ещё больше признателен Богу за то, что они у меня есть.

Общение воспринималось и воспринимается мной как обмен информацией, «отдача» и «принятие», как у радио. Взаимодействие же с ровесниками, как вызывавшими вопросы у моих родителей, так и встречавшими непонимание у меня самого, не могло служить основой для моей социализации.

зации. Посему я читал книги, которые приходилось «воровать», и статьи в Интернете, для чтения которых я украдкой использовал гаджеты, что являлось основной формой удовлетворения моей тяги к новому. Я не пил и даже не пробовал курить, не гулял, но любил читать, больше безделицу, но иногда и стоящие вещи.

Всё резко изменилось в 10-м классе. Наш класс был расформирован, потому что большая его часть ушла в училища и колледжи. У нас был один из худших классов школы, а потому такая его участь была неудивительна. После перехода в десятый класс я оказался в чужом, уже вполне сложившемся коллективе. Но мне сильно помогло то, что костяк этого класса составляли мои бывшие одноклассники из начальной школы (с которыми я с тех пор и не общался), попавшие туда после того, как классы первый раз реформировали. Как показало общение, этот класс был более высокого уровня культуры, чем мой прошлый, что не могло не сыграть своей роли в моём опыте взаимодействия с людьми.

Став новым членом сообщества, я постепенно влился в мальчишескую компанию, в которой мы вместе играли в карты на уроках русского и в целом общались в школе. Как часто бывает, возле этого «мужского клуба» вились девочки, а если быть точным, то одна, которую звали Анной. Постепенно наше общение стало более личным. Дома меня часто отправляли на почту за посылками из Китая для брата, и я стал использовать это для прикрытия практически ежеднев-

ных прогулок с Аней. Общение же вне «почты» строилось по выкраденному из плена наказанию телефону. Одной из тем нашего общения был спорт: она болела за Ювентус, а я, чтобы как-то соответствовать, стал делать вид, что болею за Баварию.

Долгое время ежедневные прогулки проходили в неловком чувстве невысказанной обоюдной симпатии. Родители, понявшие, что «поход на почту» есть некоторый эвфемизм романтических встреч, периодически интересовались, симпатична ли мне подружка, что я и передавал Анне. Анна тоже интересовалась этим вопросом. Мой ответ тешил её, подтверждая обоюдность чувств, но не давал возможности для признания. Так продолжалось до тех пор, пока, гуляя по дворам новостроек, мы не оказались скрыты элементами детской площадки, там и произошёл наш первый поцелуй. Важное ли это событие? Безусловно.

В моменте казалось, что весь мир изменился. Некоторые говорят, что каждая попойка есть смерть и воскресение. Тот поцелуй точно был смертью меня прошлого и образованием меня нового.

С каждым днём наши отношения изменялись. Мы были очень разные: у нас не совпадали ни музыкальные вкусы, ни религиозные взгляды, но в тот момент нас это не волновало. Впоследствии, когда наша симпатия стала достоянием одноклассников, один из ближайших товарищей стал нас полностью игнорировать. На протяжении нескольких лет в школе

он оказывался непринятым Аней и не смог вынести, когда выскочка из другого класса внезапно стал получать то, что, по его мнению, должно было быть его. Не было ни конфликтов, ни драк, просто то, что ещё вчера казалось дружбой, перестало существовать.

Я не имел друзей, а потому был свободен. Аня же имела двух не общающихся между собой подруг. Обе они были из неполных семей и имели общие этнические корни, но демонстрировали диаметрально противоположность.

Наша с Аней привязанность становилась всё сильнее и уже начинала переходить в нездоровое состояние, когда чуть ли не каждый день происходили припадки ревности. Истерики и упрёки стали обыденностью, они составляли ткань эмоциональных качелей, привязывающих нас.

Не имея удобной возможности уединиться, мы были вынуждены искать потаённые углы в городе, уже на тот момент имевшем все признаки перенаселения. Где-то нам самим было некомфортно, где-то бдительные старожилы южных дворов вносили свои поправки в благочестие наших отношений. В итоге личные встречи могли происходить только в отсутствие родственников либо в её, либо в моей квартире.

На Новый год я заболел конъюнктивитом. Зуд глаз, воспринятый как аллергия, перерос в боль и отёки, не позволявшие нормально видеть окружающий мир. На новогодних праздниках все родственники, кроме тяжело больной бабушки, уехали. Это дало возможность для нашей с Аней встречи,

и невзирая на опасность заразиться конъюнктивитом от меня, она пришла ко мне. Закрывшись от бабушки в комнате, мы чудесно провели время, не переходя через определённые границы, хотя гормоны требовали этого.

Интерес к познанию друг друга у нас различался, причём заметно. Я хотел ограничиться достаточно аскетичными формами, из-за чего со стороны возлюбленной следовали укоры и чуть ли не угрозы. Это меня обескураживало. Из-за моих пуританских убеждений подобные устремления побуждали меня к рефлексии и самоненависти, которую я пытался скрывать. Ежедневные скандалы, обоюдная необоснованная ревность и отсутствие взаимопонимания в телесном вопросе углубляли пропасть между нами. Я опушу свои сложности во взаимодействии с её друзьями и прочие детские мелочи. Я мыслил эти отношения как те самые, первые и единственные, а потому был готов мириться со всем. Сейчас я не могу упрекнуть Аню в нелюбви или неискренности, просто мы имели совершенно разный стиль жизни и по-разному понимали наши чувства. Она ждала от меня возможности эмансипации от родителей, мне же казалось, что торопиться с этим вопросом глупо, и данная проблема сама разрешится со временем (что и произошло).

В целом проблема взаимоотношений с семьёй была одной из серьёзнейших в этих отношениях. Не имея взаимопонимания с родителями, Анна пыталась лезть в мою семью. Подростковый возраст, а также слабость, вызванная отсутствием

опыта нормального взаимодействия со сверстниками с моей стороны, приводили к моим ссорам с семьёй.

Критические сложности у нас возникли во время окончания школы. Скандалы всё усиливались, поступление на разные направления всё больше отдаляло. Я поступил на направление, связанное с религией, и было бы ложью сказать, что оно идеально соответствовало мне в тот период. Вдобавок, вместо поддержки я увидел и почувствовал со стороны Ани лишь презрение и отвращение ко мне, связанное с выбором специальности. Вкупе с этим продолжал проявляться её антагонизм по отношению к моей семье, который из-за меня, но при её страстной поддержке, приобрёл деструктивные формы.

Анна поступила на филологический факультет, я же на исторический, но на теологию. В то время (не знаю, как сейчас) её представления о мире были весьма спорными: она считала низостью веру в Бога, но при этом верила в магию.

Наш раскол усилился, когда я пришёл на посвящение филологического факультета. Оно проходило на острове недалеко от университета и представляло собой весьма унылое зрелище, пока к толпе знакомящихся друг с другом девушек (напоминаю, филфак) не прикочевала группа пьяных и весьма специфичных горцев.

Я пытался поддерживать с ними диалог, покуда это всё не стало чем-то запредельным. Человек восемь парней, не обременённых интеллектом, увидели человек сто молодых и

симпатичных девушек. Они попытались поставить меня на прислуживание им в подборе невест, но я отказался это делать, при этом общаясь уважительно и без агрессии, из-за чего, возможно, выглядел слабым на фоне восьми озабоченных горцев. Праздник был закончен, и под конвоем оставленных без женского тепла мужланов первокурсницы с первокурсниками удалились.

Этот день стал чёрной страницей для меня. Уже позже, во время наших встреч вечером после пар, Аня высказывала неудовлетворённость моим поведением, мол я подходил к ним, когда они звали, и не послал их. И хотя я не помогал им в поиске женщин и не спровоцировал драку, я был заклеймён трусом. Впрочем, я не спорил с этой оценкой. После этого посвящения жизнь пошла по-другому, несмотря на отсутствие ярко выраженного конфликта, чувствовался кризис в отношениях.

В то время я впервые за долгие годы получил очки по тому зрению, которое имел. Это было настолько глубоким потрясением для меня, что я даже заплакал, когда, смотря на листву возле фонарей, увидел игру света на каждом листике. Насколько же много прекрасного и в то же время ужасного скрывалось от моего взора до этого.

Спустя пару недель Аня позвала меня на разговор, где сказала, что нам нужно расстаться. Данные сведения задели меня, я рыдал, поскольку мыслил эти отношения как единственные в своей жизни. Долгое время я не мог смириться

с произошедшим. Я не проявлял агрессии или нездорового внимания к своим страданиям в жизни, но это событие значительно изменило её. Воспитанный с мыслью, что жена должна быть одна, развод — это крайность и неудача, я был готов терпеть многое, но меня терпеть уже не могли.

В этой части моей жизни по итогу было довольно мало хорошего. Были маленькие открытия и новый опыт, причём негативный, как водится, оказался значительно полезней. Обиды на произошедшее в итоге не осталось. Если посмотреть на наши отношения со стороны, то мы представляли тот, на мой взгляд, самый отвратительный тип пары: публичный, истеричный, но при этом пустой. Восприняв обоюдную симпатию за любовь до гроба, мы не могли, по совести, рассчитывать на успех этих отношений.

Важной частью этой истории является связь моих жизненных переживаний и литературы, так как довольно часто приходилось обнаруживать свои черты, по преимуществу негативные, в персонажах романов.

После расставания я старался активно заполнять пустоту чтением, и именно в этот период произошло знакомство с книгами «Пол и характер» и «Женщина — преступница и проститутка». Не могу знать, изменило ли это мой взгляд на жизнь и женщин, однако стало крайне занятным опытом и явно расширило мой горизонт понимания.

Совершенно по-иному отразился на мне роман де Мюссе «Исповедь сына века». Купленный практически случай-

но в ближайшем к университету сетевом книжном, он был в кратчайшие сроки прочитан. Октав, являющийся как отражением личных переживаний автора, так и собирательным образом того поколения, находил во мне отклик не своими взглядами и даже не историей несчастливой любви. Поведение Октава с Бригиттой, наполненный скандалами и ревностью быт очень точно отражали те негативные черты моих с Аней отношений, что не проходили, а наоборот всё более усиливались. Хотя у нас не было никакого «третьего», истерическое и, на мой сугубо личный взгляд, неадекватное поведение Октава хорошо могло бы продемонстрировать и наше отношение друг к другу. Альфред де Мюссе сделал исповедь всего поколения через историю одного конкретного героя, я же не берусь экстраполировать собственную юношескую глупость на всё поколение, поскольку для этого не вижу взаимосвязи своего опыта с опытом других. Гормоны и глупость присущи всем поколениям, а порой и почти всем возрастам.

Холодный ветер с Волги

На протяжении почти года я был один, не предпринимая попыток изменить свой социальный статус, вполне довольствовался общением, связанным с учёбой. Университет даёт качественно иной уровень окружения, чем его может предложить школа. Люди организуются больше по интересам, вас объединяет не пешая доступность учебного заведения, а то направление, которое в силу тех или иных обстоятельств было вами избрано.

Маленькая группа и маргинальная специальность создаёт определённую отрешённость от общего «движа», который присущ молодёжи. Став студентом, я начал по максимуму использовать возможности, открывающиеся передо мной.

Всю жизнь до того момента я проводил только в границах двух сраставшихся воедино регионов, остальной мир, несмотря на мою любознательность, был за рамками моих представлений. Первым определяющим разрыв этого кокона событием стала конференция в маленьком городе Задонске Липецкой области. Липецкая область поразила меня как своими видами, так и самим фактом существования иной жизни. Мы жили в монастыре, подчинялись его правилам, но были свободны в перемещениях по городку. Эта поездка расширила мои горизонты, я понял, что не хочу замыкаться в пределах своей малой Родины.

За этой поездкой последовала другая. Я записался на смену Волонтёров Наследия в городке Печоры Псковской области. Никто из товарищей не стал составлять мне компанию, поэтому я поехал с незнакомыми мне двумя бабушками и парнишей-ровесником. Пережив пытку храпом, мы добрались до Пскова, где нас подобрали организаторы смены. Ещё перед поездкой я почему-то был уверен, что на смене получу новый романтический опыт, с чего я это взял, мне было непонятно.

Проживали мы на территории паломнического центра, устроенного на месте бывшей военной части. Наш отряд состоял из представителей Волгоградской и Тамбовской областей и нашего региона. Большая часть участников смены были молодыми девушками-студентками. Программа предполагала как культурную часть, связанную с обучением азам реставрации, так и практическую работу в городе. Волгоградские парни вместо работы начали просто пить, что в целом устраивало всех, так как работники из них были ужасные, а мы с женским составом пытались находить общий язык.

Из всех барышень мне понравилась одна, невысокого роста, маленькая, выглядящая младше своих лет: Даша. Сложно сказать почему, но общаться с ней было проще, чем с остальными. Довольно быстро в коллективе начали шептаться по поводу наших с Дашей взаимных симпатий.

Поворотным же моментом в наших отношениях оказа-

лось то, что однажды, подходя к паломническому центру, Даша не обнаружила телефон, и я предложил ей пойти обратно в город, чтобы его поискать. Так как у паломнического центра был комендантский час, необходимо было предупредить охрану о нашем более позднем возвращении, что мы и осуществили. Даша переживала, и я, насколько мог, старался её успокоить. Я, как и её подруга, регулярно прозванивал её номер. В один момент на звонок ответили и сказали, что телефон можно забрать в гостинице. Там нас действительно ждала семейная пара, вернувшая Даше её собственность. На радостях от произошедшего мы с ней обнялись. Потом другие девочки, конечно, стали подшучивать, говоря, что я сделал это специально, чтобы остаться с Дашей вдвоём. Несмотря на то, что мой сумрачный гений не был причастен к этой ситуации, она действительно нас сблизила.

После этого я понял, что влюблён, в поездке на Талабские острова я всё время думал о ней. На органном концерте в кирхе я также был весь погружен в свои печальные мысли. Я думал о том, что смена кончится, мы разведемся, и в целом наше знакомство и общение лишено смысла. Пару раз мы ещё прогуливались вдвоём по городу, о чем-то спокойно болтая.

Памятен момент, когда мы всей толпой отправились смотреть на «набережную». В результате, когда мы вышли за пределы исторического центра города, оказалось, что набережная в Печорах — это ул. Набережная, улочка, ведущая к зем-

ской больнице и не имеющая ничего общего с прогулочными набережными, представляющимися в воображении обывателя при встрече этого слова. Мы шли по дороге, ведущей от центра к окраине города. Набережная была ей перпендикулярна. Пройдя её, мы решили проследовать дальше и дошли до леса. На самой окраине страны с нами поравнялась тонированная в круг «семёрка», медленно объехав нас, будто бы размышляя, что с нами делать, она уехала. Уже давно стемнело, и мы начали обсуждать, каким образом нам следует возвратиться в центр, поскольку приближалось время закрытия всех ворот. Гулявшие разделились на два лагеря, мы, как сторонники безопасного знакомого маршрута, двинулись обратно по дороге и пришли даже раньше, чем желавшие свернуть в лес и пройти путь напрямки.

Последний день смены выпадал на День города. Из-за расположения Печор на границе с Эстонией часть мероприятий проводилась военными. Затем, ближе к вечеру, должна была быть дискотека. В то время я не пил совсем, и алкоголь вызывал у меня неприязнь, но остальные её не разделяли, поэтому закупались оптово в местном магазине. Пока я стоял у входа и ждал их, ко мне подошёл очень пьяный гражданин, который начал рассказывать о своих родственных связях с митрополитом. Удивившись этой встрече, мы разошлись отдохнуть. Уже вечером все собрались на сломанной детской площадке у леса и начали напиваться до кондиции.

На площадке в городском парке началась дискотека, со-

стоявшая в пьяных подрыгиваниях под затёртые песни отечественной и зарубежной эстрады. Сообщество молодёжи было разбавлено пьяным местным населением, по преимуществу рабочим. Два сомнительной внешности молодых мужчины подливали девушкам из отряда водку. Меня же в свою очередь «грузило» чувство грядущего расставания, и потому я пару раз уходил прогуляться по улочкам этого уютного русско-эстонского городка. Красивая, но притом аскетичная кирха, широкие улицы между одноэтажными домами, с каждой стороны которых росли высокие деревья, превращавшие невзрачную улочку крошечного городка в полноценный бульвар. Никогда я не обладал тягой к танцам, стеснительность же напрочь убивала возможность такого досуга, но, учитывая степень опьянения окружения, а также скорую разлуку со всеми навсегда, я решил, что мои взмахи руками и ногами не смогут воспрепятствовать всеобщему веселью.

При виде того, как проходят последние часы перед разлукой с Дашей, во мне закипала злость. Поддавшись порыву, я прильнул к её губам, находясь на всеобщем обозрении. Она ответила на поцелуй, и мы стояли посреди треугольной площадки, под ногами перекатывались пустые бутылки из-под водки, а вокруг нас, как в американских фильмах, гудела и свистела толпа.

Помогая добраться домой пьяной девушке, не способной пройти и пяти метров без падений, я думал о двух вещах сразу: с одной стороны, о том, что романтику я себе пред-

ставлял совершенно по-другому, а с другой, о том, что цель или мечта, стоявшая передо мной до приезда, оказалась достигнута. Протащив пьяную подругу мимо охраны на КПП, я провёл с ней пару часов в обнимку на женском этаже в коридоре. На следующий день мы с земляками уезжали раньше, чем Даша. Нас провожали девушки из отряда, подарившие в дорогу монастырского кваса и притащившие заспанную подругу.

По дороге обратно мы переписывались, и, как я понимаю уже сейчас, ей скорее хотелось бы, чтобы эта история осталась эпизодом летних приключений без дальнейшего развития, тем более что, по её меркам, скорее всего ничего существенного не произошло. Однако мы продолжили общение. Путь назад, как и путь туда, лежал через Петербург. В условиях разлуки он казался ещё более грязным и шумным, а мысли крутились вокруг идеи новой встречи.

По приезде в свои регионы мы не бросили общаться, более того, она приглашала меня в гости, пока не было дома её соседки, однако меня такие гостины смущали.

Встреча казалась необходимой, и я купил билеты на ноябрь. Незадолго до того времени она должна была побывать проездом в моём городе. Остановка поезда в пять минут казалась мне достаточной причиной для того, чтобы встретиться. Поезд прибывал около полуночи, и ради интереса я отправился пешком на вокзал через полгорода. Восемь километров в ту сторону я преодолел без проблем. Загодя при-

быв на вокзал, я отправился в детскую комнату, чтобы подождать поезд и подзарядить телефон. Пока я сидел там, мной заинтересовалась охранница, и большую часть времени ожидания я провёл в беседе о станичном музыканте, деятельность которого требовала освещения в прессе. Сейчас я уже и близко не помню подробностей его личности, да и стоит признать, что к СМИ я никакого отношения не имел, но этот разговор, казалось мне, мог немного оживить жизнь ночной охранницы вокзала.

Грохот товарных вагонов, прибытие скоростного поезда. Поцелуй. Объятия. Что ещё можно вспомнить из тех пяти минут, что великодушно выделила нам проводница. Эта встреча сделала меня счастливым, и, шагая домой по пустынным и тёмным дорогам, я улыбался.

Недалеко от вокзала, метрах в пятистах, ко мне сзади подбежали два гостя с юга, живо принявшихся интересоваться моим материальным положением. У меня не было с собой денег, как не было и карты, однако это не удовлетворило горячую кровь полуросликов, и главным интересом их ночи стал мой телефон. В пылу схватки телефон деформировался до сходства с главным символом ислама и по причине своей неисправности был мне возвращён. Эта ситуация научила меня сразу нескольким вещам: безопасных мест не бывает; в экстренной ситуации тебе никто не поможет; не всегда можно мирно урегулировать конфликт; не нужно ходить ночью по городу. Особенно мне понравилась дорога домой, когда,

встретившись на перекрёстке с каким-то мужчиной, внимательно пытавшемся меня рассмотреть, я улыбнулся ему, обнажив залитые кровью зубы. Видимо, вид окровавленного парня его не очень вдохновил, и он устремился прочь, невзирая на запрещающий сигнал светофора.

Я признался в своём поражении родителям. И тем фактом, что я мог пропеть государственный гимн, отец пытался доказать, что я выдумываю проблему, в то время как кусок моей челюсти уже не крепился костью к остальной её части, и я мог свободно его перемещать, насколько это позволяла эластичность кожи.

В больнице скорой помощи, сидя в травмпункте с другими бедолагами, я мог лицезреть, как доблестный сотрудник полиции уверял пьяного бомжа, что машины, сбившей его, не существовало. Врач в свою очередь делился личным опытом драк в горских аулах, в то время как я думал о том, как целоваться с запечатанной челюстью.

Для родителей мой ночной подход стал предательством, более того, и по сей день они не знают всех обстоятельств получения мною увечий, впрочем, зачем им знать? Моя личная глупость недостойна того, чтобы тенью ложиться на оценку других людей.

Если Вы могли подумать, что завязанный рот удерживал меня от полемики и дискуссий на парах в университете, то Вы ошиблись. Я и без того, наверное, был смешон, а скомканный, сжатый голос, пытавшийся нарушить всеобщее еди-

нодушие, уж тем более должен был казаться смешным.

Поездка в Волгоград, запланированная на ноябрь, была отложена и произошла позже. Первая же встреча, спустя долгое время разлуки, произошла аж в феврале, после моего выздоровления. На почти одни и те же даты нами были куплены путёвки на один и тот же горнолыжный курорт. Она приезжала раньше на день, а я уезжал на день позже. Я ехал в одиночестве, с незнакомыми людьми, в пути отбиваясь от странных попыток попутчицы поспать на мне. По приезде в отель оказалось, что это советский гигант с отсутствующим отоплением и деревянными оконными рамами.

Хотя встреча была запланирована, но с некоторой шутовской должностью должен признать, что, когда я увидел Дашу издали, я её не узнал, приняв за ребёнка в яркой куртке. Она была старше меня, но всё равно смотрелась дитём.

Курортная жизнь наша была крайне краткой и представляла из себя покатушки по горе с инструктором, где я в силу своих возможностей старался как можно сильнее опозориться, а также посещения третьесортных кафе (иных там не было). После кафе мы посетили ещё и каток, где я проявил себя так же, как и на лыжах. После романтического ужина с глинтвейном мы отправились в её номер и провели в обнимку всю ночь вплоть до рассвета, вместе с которым я был отпущен «домой». Эта ночь была крайне приятна, и мы прерывали нашу близость только с возгласом муэдзина, чтобы не нарушать традиционный склад того общества, в котором

мы находились.

После отъезда Дарьи желание проводить время на курорте сошло на нет: подъемники с их очередями, лыжи, овладеть которыми за одну поездку я никак не мог, скорее меня напрягали. Дорога обратно прошла вполне нормально и не вынуждает меня запечатлеть её подробности.

Следующая наша встреча произошла только в августе, когда она приехала ко мне. Длительные пешие прогулки через весь центр города, лёгкие и замечательные для меня, превратились в немую пытку для Дашиных ног, стёртых и разбитых уже по прошествии первого дня. Одноэтажный купеческий центр и старое дореволюционное кладбище не смогло поразить душу уроженки пролетарского региона. Чего нельзя сказать об одном из морских курортов, в котором мы с ней очутились.

После продолжительного разлуки я нанёс ей два визита, первый из которых выпал на ноябрь. Пробиваясь сквозь порывы ветра, я изучал сталинский ампи́р и места боевой славы. Дома же меня ждал уют и объятия.

Памятна и моя поездка в феврале уже следующего года. Февраль в Волгограде мало отличается от ноября. Пронизывающий, безжалостный ветер, отсутствие листвы, грязь и чёрные одежды местных жителей являются неотъемлемой частью волгоградского пейзажа.

Позволю себе несколько отойти от темы и расписать свой образ города и впечатления от него. Признаюсь сразу, что

в сколько-нибудь тёплый период я его не застал. Волгоград представляет собой гигантский промышленный центр. Первое, что поражает человека, въезжающего с юга, — это огромный и полусгнивший химический комбинат в Кировском районе. Деревянные дырявые градирни, возвышающиеся над сплошными кушерами, вкупе с ржавыми вагонами и разрушающимися корпусами завода придают пейзажу постапокалиптический вид. Камыши в Волгограде являются связующей тканью районов, в городе даже может сложиться ощущение, что все те станицы и деревни, входящие в состав города чуть ли не ежегодно, оказываются в этом статусе благодаря соединению воедино камышом.

Массив послевоенных домов и правда может удивить, если приехать в этот город из станицы. Высотки, которые вполне подошли бы по своему облику Москве, демонстрируют победу социалистического строя во всех областях — правда, победа эта износилась, и вполне можно было увидеть роскошное здание с обвалившимися балконами в самом центре города. При движении на север города, к Тракторозаводскому району, ощущение единого экономического и культурного пространства сохраняется. В то же время, отправившись на юг на общественном транспорте, можно стать очевидцем того, как школьник, выходя из автобуса посреди ничего, растворяется в камышах.

Лучшее же по своей атмосфере место — это не Тракторозаводской и не Сарепта, а парк и дом культуры «Химик».

Высохшие растения обрамляют дом культуры в стиле советского модернизма. Во всём парке стоит один фонарь, да и то покосившийся. Из-за этого кажется, что это не парк, а какой-то промышленный объект, недоступный для обычных людей (но даже без ограничений к посещению возникает вопрос о популярности данного места у населения).

При всём этом, или даже благодаря этому, Волгоград мне понравился. Малолюдный, депрессивный, неотреставрированный город создает ощущение капсулы времени и при этом какой-то честности.

Одним из любимых воспоминаний является вид католической церкви Святого Николая. Неоготический храм, выполненный в нежно-розовом и мятном цветах, поразительным образом контрастирует с индустриальным ужасом на его фоне. Храм производит столь сильное впечатление именно благодаря этому удивительному контрасту разных эстетических форм. Причём я не говорю о том, что индустриальные монстры не могут быть привлекательными. Вполне могут, примером тому могут служить старые заводы в Москве и Санкт-Петербурге.

Всё время, что мы общались с Дашей, у нас не было ни одной ссоры. С одной стороны, это говорит о нашей способности договариваться и слушать друг друга, с другой — о возможном отсутствии вовлечённости в жизнь друг друга. Эти отношения стали диаметральной противоположностью предыдущих отношений с присущей им истеричностью.

В феврале, сидя перед моим отъездом на вокзале, Даша плакала у меня на плече, я же сообщил ей, что переживаю, что её чувства ко мне могли притупиться. Она посмотрела на меня и сказала, что «никогда меня не разлюбит».

В реальности почти сразу за этими, сказанными скорее всего вполне искренне словами последовало охлаждение отношений. Уже в апреле она «забыла» о дне моего рождения, и в целом общение всё более скатывалось к бесчувственному перечислению дел за день. В конце концов от неё последовало предложение о паузе в отношениях. И уже в августе, во время встречи на вокзале, где она оказалась проездом по пути с очередного форума домой, она сказала, что нам необходимо разойтись.

Зелёный как смысл жизни

Как и после прошлого расставания, на протяжении почти года я был в одиночестве, но подавленность моя усилилась в разы, хотя степень её варьировалась от некоторой настороженности до запоев, не мешавших работе.

Мы вместе с Дашей участвовали в конкурсе на волонтерскую смену на острове Кижи. Я хотел туда поехать, только если бы поехала и Даша. Мне был интересен Русский Север, даже очень, но в тех условиях мне не хотелось получать то, чего ей хотелось больше, и я подумывал отказаться от участия, чтобы освободить место, которое могла бы занять она.

В тот же год происходили подтопления в горах моего региона, и я ездил от университета в поездку по ликвидации последствий схода селя. Благодаря указанию на этот опыт в анкете, видимо, я и получил приглашение в Кижи, куда всё же и поехал.

На этот раз я ехал один, мне были куплены авиабилеты до Москвы, а оттуда мы все вместе (кроме тех, кому было удобнее добираться через Санкт-Петербург) ехали в Петрозаводск. Организаторы предоставили нам номера в хорошей гостинице возле вокзала. Заселившись и пообедав, мы отправились гулять по городу. В ходе прогулки мы более или менее познакомились и начинали привыкать друг к другу, ведь нам предстояло почти неделю жить и работать на острове. И

в этот раз большинство добровольцев были девушками, из мужчин было только четверо: двое студентов и двое мужчин средних лет.

Среди девушек выделялась одна, носившая длинные юбки, с красивыми русскими чертами лица и зелёными глазами, которые сыграли свою роль впоследствии. Говорила она мало и тихо, больше слушала. Мы прогулялись по набережной города, которая поразила нас своей красотой: гигантское озеро, больше похожее на море, и аккуратный городок на его берегу. Вернувшись в гостиницу, все разошлись по своим делам, а я вместе с мужчинами из нашего отряда решил сходить в краеведческий музей Петрозаводска.

Затем мы зашли в два храма, посетили кладбище и в целом осмотрели город обстоятельнее, чем остальные.

Во время дороги на остров на «Метеоре» я пытался быть рядом с этой загадочной девушкой с зелёными глазами. Она фотографировалась с подружкой в открытой части судна, где также стояли и другие люди, наслаждавшиеся свежим ветром и видами природы вокруг.

На острове я впервые в жизни почувствовал себя дома, будто я всегда здесь был или должен был здесь оказаться.

Жили мы в металлических бытовках, по условиям было неплохо, особенно с учётом того, что большую часть времени мы проводили на улице. Единственным местом на острове, где ловила мобильная связь, стала скамейка по дороге в душевую. Из-за отсутствия в душевой замка мы передали её

женской части общины, сами предпочтя купание в холодном озере.

Когда мы представлялись на знакомстве с сотрудниками музея-заповедника Кижы, выяснилось, что все, за исключением одного парня с особенностями развития, имеют отношение к экологической или околосредовой деятельности.

Затем начались трудовые будни: мы разбирали каменные кладки, сортировали вторсырьё, вывозили его с отдалённых островов, а также участвовали в культурных мероприятиях, любезно организованных для нас музеем.

Для выполнения многих работ мы должны были делиться на команды. Без всякого умысла я всегда оказывался в команде с Екатериной, восемнадцатилетней девушки из Сибири, с длинной светло-русой косой и в длинном платье. Скромная, красивая и необычная.

Наш первый содержательный разговор был посвящён связи музыки и богословия, в частности, мы обсуждали Баха и делились своим музыкальным опытом. Так я выяснил, что она увлекалась балетом. Меня привлекала её естественная красота, плавность движений, в которых чувствовалась балетная лёгкость и чёткость, скромность одежды и общения. Мы с ней собирались смотреть на то, как закат играет на куполах Преображенской церкви, но из-за недостатка времени и моего нежелания ставить под угрозу уже рассыпавшиеся отношения с Дарьей, я отказался от этого.

Уже в Петрозаводске, в последний день нашей поездки

она не отходила от меня и смотрела на меня безостановочно. Сидя в кафе, мы обменивались мнениями о прочитанных книгах, и она порекомендовала мне книгу Генри Дэвида Торо «Уолден, или Жизнь в лесу», ставшую определённым манифестом её жизни. К этому произведению мы вернёмся в будущем.

Домой мы держали путь через Москву, куда ехали из Петрозаводска в фирменном двухэтажном составе. Мы попытались собраться всей компанией в одном купе, но это не могло не мешать соседям, а кроме того, я оказался слишком душным для общения с коллегами. Пытаясь найти уединение, мы с Катей пошли гулять по поезду. В одном из вагонов нам попался пьяный гражданин, находящийся в странном настроении, где-то между грустью и беззаботной радостью. Увидев у нас сумки-шопперы, он посоветовал скрыть наш алкоголь (которого у нас не было) от проводницы, спросив, не из Питера ли мы. Услышав мой ответ, он дико обрадовался и посчитал меня своим земляком, хотя наши регионы даже не граничат.

Сибиряки и дальневосточники летели через Домодедово, а я — через Шереметьево. Я решил их проводить по кольцевой линии до их станции метро и, попрощавшись со всеми, я увидел, как Катя стоит на перроне станции и машет мне платочком, подаренным на Кяхах. Это было так трогательно и мило... Возвращение в Краснодар вернуло меня в ту эмоциональную яму, в которой я находился перед поездкой.

Екатерина писала мне сама каждый или почти каждый день, скидывала фотографии из Америки (куда она поехала учиться), искала то, что сможет заинтересовать меня. Я же находился в состоянии психологического спада: дома — из-за расставания с Дашей, на работе — из-за стресса, связанного со сложностью составления расписания. Все проблемы глушились алкоголем.

Спустя год, в октябре, Екатерина приезжала в мой город на научные мероприятия. Она поселилась в небольшом отеле возле единственного в городе монастыря. Я проводил ей экскурсию по городу, за день мы прошли 36 тысяч шагов. Это произошло после того, как она повредила ногу, поэтому её подвиг можно описать чужими словами, мною беспардонно заимствованными: «Апофеоз любви и воли — её кровавые мозоли»¹.

Из всего увиденного в городе ей больше всего запомнилось старое дореволюционное кладбище. Тогда оно было почти полностью заросшим старыми деревьями и больше напоминало лес, заметны были только один-два ряда могил, ближайших к тропинке.

Когда мы с Катей были на одном из озёр, оставшихся после засыпки реки, она села на помост, свесив к озеру ноги, и какое-то время сидела так. Солнце было напротив и освещало

¹ Цитата художника Алексея Лаптева, посвященная И. А. Антоновой во время поездки в Италию (1956 г.). Источник: Антонова И. А. «Воспоминания. Траектория судьбы», АСТ, 2021.

щало своим уже холодным светом водную гладь и заросли камыша. Крайне романтичный момент, в который я боролся с желанием сесть рядом и поцеловать её. Как потом она вспоминала, ей было обидно, что я так не поступил.

Одним из главных впечатлений от той встречи с Катей для меня стала та пластика, с которой она обращалась к растениям: тянущаяся вперёд тонкая ручка с изящными пальцами, наклонённая вперёд прямая спина — ни грамма наигранности, но так красиво. Под конец прогулки я проводил её до гостиницы, мы сидели под её стенами, беседуя о всякой всячине. Мне было больно отпускать Катю, но в то же время я понимал, что мне она ничем не обязана.

В феврале Катя приехала снова, и это ознаменовало новый этап в наших отношениях. Я пригласил её пожить у меня, пока она будет в городе, на что она радостно согласилась. Каждый вечер мы смотрели фильмы и непринуждённо общались на разные темы, смеялись, пробовали играть на гитаре, и я слушал её акапельное пение. С каждым днём дистанция между нами сокращалась.

В какой-то момент, видимо опираясь на события в фильме, мы стали обсуждать нижнее бельё, и Екатерина поделилась, как сложно найти хлопковые трусы нужного цвета (Катя старалась поддерживать монохромный образ и носить одежду исключительно мятного цвета). Я же предложил ей такие подарить, на что она с радостью согласилась. Мы их вместе выбрали, и когда они пришли, она их мне продемон-

стрировала на себе, чем, с одной стороны, меня удивила, а с другой, безумно порадовала.

В один из дней её пребывания у меня мы сидели уже в обнимку и смотрели «Смешариков», когда она легла головой мне на колени, и я поцеловал её. После мы целовались много, но этот, первый, поцелуй был по-настоящему особенным. После этого она положила свои ноги на мои, и я гладил приятную, нежную девичью кожу.

Тогда на волне эмоций я написал ей письмо, исполненное любовного и патриотического пафоса. Наверное, сейчас я бы даже не смог его дочитать до конца, но тогда мне хотелось выразить всю важность момента.

Самым красивым днём моей жизни была наша спонтанная прогулка в тот Катин приезд. Выйдя из магазина, Катя захотела прогуляться в центр города, куда мы и направились. Уже было темно, и дорога была не очень интересной, но стоило только нам выйти на главную улицу города, как пошёл снег, большая редкость для наших широт. Я шёл, держа её за руку; крупные снежинки плотным потоком падали на город: на подсвеченную краснокирпичную арку, на памятник Великомуученице Екатерине — снег кружился и играл в свете фонаря, сказка была наяву: холод улицы, покой, умиротворение и тёплая рука любимой девушки.

Расставание наше было слёзным и радостным: случилось то, чего оба мы ждали, и это было прекрасно, но опасения за наше будущее зародились уже тогда. Мы жили в разных

частях страны, а кроме того, имели очень разные интересы и взгляды.

На следующий день после отъезда Кати, всё ещё находясь в потрясении, я отправился на мнимое собеседование. Под впечатлением от разрозненных руин индустриального гиганта на высоком берегу реки, где редко бывают люди, я написал небольшой рассказ, посвящённый Кате:

Трамвай, скрипя, выехал из-за поворота и остановился. Воздух наполнился запахом жжёной резины, но, несмотря на это, был приятен и удивительно чист для такого большого города. Снег на остановке уже примяли, но, замечая следы, с неба летели в большом множестве снежинки.

Глубокий вдох холодного воздуха отрезвляет мысли лучшие всего. Хоть сон это и прогнало, уныние затмить не смогло. Дорога от остановки к подземному переходу. Подземный переход в один момент переставал быть обычным аналогом «зебры», он превращался в портал в другой мир.

Старая проходная, ничего в которой не изменилось спустя 50 лет с последнего ремонта. И вот, пройдя КПП, ты оказываешься в чарующем мире разрухи. Жизнь огромного завода, раскинувшего свои корпуса вдоль реки, теплилась лишь в одном, не самом большом корпусе. Большая часть других корпусов была выкуплена или арендована разными сомнительными организациями. То, что они мелькают перед глазами каждый день из года в год, не делает их родными, они не могут такими стать.

Шаг за шагом я приближался к месту работы, далеко не самому худшему, но надоесть может всё в нашем бренном мире.

И тут из одного из старейших корпусов, построенных ещё при царе Горохе, выскочил пёс, симпатичный, совсем юный чёрный пёс. Ни капли агрессии, только любовь к жизни и надежда на лучшее в каждом из прохожих. «Странно, что я тебя не видел», — подумалось вдруг. Пёс не хотел отставать, он будто звал куда-то, молча подскакивая и бегая кругами. Я не выдержал и остановился. Пёс попытался играючи укунить за кисть руки. «Фу!» Пёс мгновенно остановился, сел и внимательно посмотрел на меня своими чёрными глазами. Посидев несколько секунд, он поднялся и радостно запрыгал, приглашая следовать за ним. «Ещё пять минут в запасе», — глянул я на часы. Пёс продолжал крутиться на месте. «Могу немного и пройтись», — решив так для себя, я пошёл за своим новым другом. Ему нравилась моя компания, а мне — его. С ним я на миг забыл то, что раздражало меня в обычной жизни. Обойдя «мой» завод, мы пошли вдоль других корпусов. Вот сзади по правую руку остался очередной памятник ВОВ. Как бы ни пытались, выделяя деньги на него, сохранить пропагандистский шик, это плохо работало на фоне заброшенных цехов. За памятником очередной цех, за ним ещё и ещё. Мы оказались рядом с самым большим корпусом. Он был неправильной формы, этажа в четыре жилых, но всего два заводских. Выбитые стёкла и

заколоченные грубыми досками двери придавали ему некоторый шарм. Снег не планировал останавливаться. Хруст нетронутого снега под подошвой по-особенному аккомпанировал прогулке. Обойдя корпус, мы оказались на берегу. Под скатом высокого берега находилась водная гладь, сейчас затянутая льдом. «Вряд ли лёд настолько прочен», — мелькнуло в моей голове. Видимо, псу на это было наплевать, и он стремглав побежал по льду. Когда я спустился к реке, выяснилось, что полосы земли на уровне воды нет, и я сразу оказался на льду. Собака же, выбежав на центр реки, остановилась и смотрела на меня, пока я не спустился, встретившись на секунду с ней взглядом. Собака вдруг быстро побежала в белую мглу. Я попытался пойти в том же направлении, куда бежал пёс, но по берегу. Нога соскользнула с земельного ската и оказалась на льду. Снег к этому времени усилился, и пса не было видно, только лай был слышен. Лёд был крепок. Однако идти по нему было непривычно. Полускользя по льду, я шёл за псом, сам не зная зачем, пока внезапно в белой стене снегопада не увидел фигуру. Судя по очертаниям, это была женщина. «Эй, у вас всё хорошо?» — крикнул я, а про себя подумал: «А у меня всё ли хорошо?» На вопрос она не отвечала. Она стояла лицом ко мне, но лица не было видно. Я подошёл ближе. Тогда я смог разглядеть лицо девушки, с резкими чертами, однако весьма красивое: белая кожа, белые волосы. Глаза закрыты. «Сударыня, у вас вс...», — говоря это, я протянул руку к ней, однако догово-

ритель не успел. Лёд под ногами затрещал. От моего места по сторонам быстро пошли трещины. Я оглядывался по сторонам, не зная, что делать. Я обернулся — девушка уже стояла сильно дальше, однако снег стих. Её было прекрасно видно, и я молча взирал на неё, забыв про трескающийся лёд. Она медленно открыла глаза, они оказались небесно-голубыми. И в этот момент лёд подо мной разломился.

Через некоторое время я, всё ещё грезя о возможности сближения наших с Катей интересов, написал статью про экологическую проблематику у Августина. Статья вряд ли имеет научное значение, но это была попытка самому создать что-то для возлюбленной:

Экологические проблемы приобрели особую актуальность в последние десятилетия из-за общего ухудшения экологической ситуации на Земле. В этой связи вызывает интерес то, каким образом Святые Отцы определяли роль человека в тварном мире живой и неживой природы. В Римско-католической Церкви существует покровитель экологов и окружающей среды: им является Франциск из Ассизи, один из самых известных и популярных святых в католицизме. Франциск Ассизский воспринимал природу как неотъемлемую часть великого божественного творения, к которому относится и сам человек, а потому считал, что всё окружающее нас достойно уважения и внимания. Однако Франциск не является философом или богословом — вся его деятельность, вызывающая огромное уважение, имела

практический характер. Именно богословская интерпретация подобного отношения к окружающей среде нуждается в разработке, что, на наш взгляд, может дать святой ещё неразделённой Церкви, заслуги которого признаются не только православными и католиками, но и протестантами.

Блаженный Августин является одним из самых плодотворных в творческом плане богословов. Что крайне важно, за количеством присутствует и высокое качество философского содержания его работ. Рассматривая важнейшие вопросы человеческого существования, святой неоднократно обращается и к взаимодействию человека с человеком и с окружающим его миром.

Для нашего анализа избран трактат «О природе блага против манихеев», т.к. именно в нём рассматриваются не только отдельные вопросы, связанные с природой души, нравственным богословием или экзегетикой, но и всё мироустройство в понимании Святого Отца.

Основой всего онтологического является Бог, всё происходит от него. Поскольку сущее творится из ничего, то оно изменчиво. Единственным неизменным является Бог сам по себе. Всё сущее в силу того, что оно существует, сотворено Богом, сотворённое Богом является благостным. Благо не способно создать ничего худого, а значит, и самая низменная или малая часть природы, сколь малой она бы ни была, является благостной. При этом, по Августину, Природа

может быть как телесной, так и духовной. Вместе с тем существует иерархия, которую выводит святой:

— Неизменяемый дух — Бог;

— Изменяемый дух — тварная природа (*facta natura*);

— Тело — плоть².

Дух и тело по своей сути благи, и, хотя в обывательском сознании легко помыслить определённые моменты как злые, например, смертность животного мира, это является искажением, поскольку исходящее от Бога быть негативным не может.

Зло есть испорченность природы, нарушение её целостности. Поэтому и существует страх смерти у человека — человек боится потерять целостность самого себя, поскольку именно в единстве души и тела заключается его подлинная природа³. Однако, замечает Августин, повреждённая природа не перестает быть благом. Насколько она природа, настолько и благо; чем больше испорченности, тем больше зла, однако всё зависит от изначального состояния, и повреждённое серебро лучше целого свинца⁴.

Определением качества природы является упорядоченность, гармоничность.

«Таким образом, эти три рассматриваемых блага: мера,

² Блаженный Августин. О природе блага против манихеев. С. 3.

³ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов (Синодальный перевод). С. 12.

⁴ Блаженный Августин. О природе блага против манихеев. С. 12.

вид и порядок — о других бесчисленных благах, сводящихся к этим трём, умолчу — являются как бы родовыми благами в вещах, сотворённых Богом, будь то в духовных или телесных. А Бог выше любой меры, вида и порядка, выше не пространственно, но неизречённой и исключительной силой. И от Него — любые мера, вид и порядок. Там, где эти три блага проявляются в большой степени, там и превосходные природы, где в малой степени — незначительные природы, а где их вообще нет, там нет никакой природы. Следовательно, всякая природа есть благо»⁵.

При этом повреждённая сущность более высокого порядка может оставаться выше в иерархии, чем «чистая», но меньшая.

Кроме того, человек, наделённый разумной душой, является высшим существом по сравнению с остальными тварями, и даже самый скверный человек будет выше гипотетической козы, мыши и т.п., в силу наличия у него разумной души.

Также и животные выше растений, и повреждённая природа животного (например, болезнью) остаётся выше природы растения, а растение выше неодушевленного тела, такого как камень. Жизнь выше простого существования, а разумная жизнь выше всего.

Человек не может быть идеален, поскольку он в любом случае подвержен искажению. Подвергнуться искажению

⁵ Блаженный Августин. О природе блага против манихеев. С. 10.

человек может только по своей воле, при этом, поскольку абсолютным Благom является Бог, человек, сознательно ушедший от этого блага, сам выбирает мучения. Бытие вне Бога является мучением, поскольку противоречит природе человека.

Среди более поздних авторов следы такой точки зрения мы можем увидеть у Сведенборга в работе «О Небесах, о мире духов и об аде». Человек, как и падающий ангел, находится в аду не по умыслу Бога, а в силу неспособности существовать рядом с Богом, поэтому ад есть осознанный выбор человека (можно вспомнить, как мучился демон, пробравшийся в Рай)⁶.

Существа, не имеющие разума, не могут быть несчастными или, напротив, блаженными. Блаженство доступно только человеку, и именно в нём человек обретает бессмертие своей души. Однако существа, не имеющие разума, пребывают в гармонии, являясь прекрасными. Тлению природа подвержена из-за своего тварного характера.

Возможность восприятия мира является благом и также исходит от Бога. Важный момент заключается в том, что каждый объект природы прекрасен по-своему, и черты, характерные для одного объекта, в другом объекте будут являться негативными. Так, Августин приводит пример с обезьяной: человек прекрасен, обезьяна по сравнению с человеком хуже, однако это не отменяет гармонии и

⁶ Сведенборг. О Небесах, а мире духов и об аде. С. 553.

красоты её самой. «Это вводит в заблуждение неразумных, полагающих, что внешность человека — добро, а обезьяны — зло. Они не замечают в теле обезьяны присущую ему меру, симметричность членов, соразмерность частей, сохранность целостности и многое другое, описание чего заняло бы много времени»⁷.

Святой Отец приводит такое логическое подтверждение красоте природы обезьяны: тело обезьяны подвластно тлению, подвергаясь ему, оно становится хуже, а значит происходит качественное ухудшение первоначального состояния. Когда погибнет благо, погибнет природа, а значит природа — благо. Каким бы низким или незначительным ни казался тот или иной объект природы, он благ по факту своего существования. При этом мир составляет не только нечто существующее, но и ничто. Голос существующего — благо, однако мы бы не смогли им наслаждаться, не смогли бы им пользоваться, не используя тишины. Материя также не может являться злом, даже если она не оформлена в нечто для нас понятное и мы не понимаем её ценности.

Бог является природой наивысшего порядка, поскольку он не подвержен изменению, являясь вечным благом, а значит, вечной природой.

Способность страдать подтверждает благость существования. Страдания вызывают желание возврата в

⁷ Блаженный Августин. О природе блага против манихеев. С. 20.

прежнее состояние, прежнее состояние является более приятным, а значит, более благом, чем в момент страдания. Страдание есть изменение изначально благого состояния.

Крайне важным является 20-ый параграф работы философа, из-за его краткости полагаем уместным процитировать его целиком:

А что Бог действительно сотворил даже самые незначительные блага, то есть земные и смертные, мы видим из других слов Апостола, где он, говоря о членах тела нашего: «Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены», прибавляет: «Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно». И ещё: «Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге» (1Кор 12:26,18,24,25). Однако то, что Апостол восхваляет таким образом в мере, виде и порядке телесных членов, можно обнаружить в плоти всех живых существ, самых больших и самых маленьких, так как всякая плоть оценивается как благо земное, а потому и меньшее^{8,9}.

По Августину, любая природа прекрасна по своей сути, но существует иерархия, на которой располагается всё сущее в

⁸ Блаженный Августин. О природе блага против манихеев. С. 26.

⁹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов (Синодальный перевод). С. 1597.

мире. Всё благо исходит от Бога, но истинным благом является именно Он. Повреждение природы — это не уменьшение её благости, а уклонение от неё. Зло не онтологично, однако оно может оказывать влияние на сущее. Следует относиться с уважением даже к самым, казалось бы, низшим существам, поскольку и в них заключена красота, которая может быть с первого взгляда нам не видна. В силу того, что окружающая природа создана Творцом, как и человек, то и относится к ней необходимо соответствующе.

Список использованных источников:

— Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов (Синодальный перевод). — М.: 2010. — 1690 с.

— Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т. 3: О Граде Божием. — Киев.: Алетейя, 1998 — 586 с.

— Блаженный Августин. О природе блага против манихеев. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-prirode-blaga-protiv-maniheev/

— Сведенборг «О Небесах, а мире духов и об аде». URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/SWEDENBORG/nebo.txt>

Однако не нужно думать, что только я пытался сделать что-то приятное для Кати. Ещё задолго до того, как мы стали парой, я стал получать от Кати открытки, сделанные её собственными руками, а её подарок на Новый год произвёл на меня неизгладимое впечатление, и назвав его тогда лучшим подарком, что я получал за свою жизнь, я нисколько не врал. С течением времени её подарки усложнялись, но оста-

вались неизменно милыми и теплыми. Благодаря ей у меня теперь есть коллекция прекрасных самодельных и не только открыток, а также любовных писем.

Следующий визит в мой город Катя нанесла уже летом, когда я работал на полставки инженером. Каждый вечер мы проводили вместе: пили квас, смотрели фильмы, слушали музыку и что-то увлечённо обсуждали. Особенностью наших отношений было то, что, когда мы были рядом, у нас не было никаких ссор, все противоречия казались мелочью, а жизнь — прекрасной.

Но стоило начать общаться по переписке, как периодически — иногда часто, иногда нет — возникали ссоры и проблемы. К сожалению, характер наших отношений предполагал большее количество времени в сети, чем физически в одном месте.

Одним из довольно примечательных моментов отношений стала моя попытка сделать Кате подарок. Возвращаясь домой после работы, я зашёл в цветочный магазин и купил любимые ею гипсофилы. Придя домой и обнаружив, что она сидит на рабочем созвоне, я поставил цветы в вазу и пошёл заниматься своими делами. Когда она освободилась и радостно зашла ко мне в комнату, я сказал ей: «Там коты на кухне наблевали, сходи, убери». Улыбку как рукой сняло, она, грустная, пошла на кухню и стала смотреть на пол, не замечая букета, пока я целенаправленно на него не указал. Сюрприз вышел оригинальный, но, наверное, не самый

удачный.

Тогда же мы поехали в Новороссийск, крупный порт с интересной архитектурой и красивыми природными видами. Было начало июня, море не успело прогреться, и почти никто не купался кроме группы горских мужчин и Кати. Мы прошли всю набережную до Малой Земли¹⁰ и вернулись в гостиницу.

На следующий день мы с ней отправились в Абрау Дюрсо. Прогулка на речном трамвайчике по водной глади запомнилась не только шикарными видами, но и весёлой компанией немолодых дам, пытавшихся на радостях от Дня России под звуки шлягеров прошедших десятилетий перевернуть нашу шхуну. Затем был фирменный магазин Абрау Дюрсо, где я купил три бутылки. В столовой Катя случайно уронила пакет с моими бутылкам, красное шампанское залило пол и наполнило воздух своим ароматом. Кате от этого стало очень стыдно и грустно, это сделало её облик до того милым, что никакой грусти по поводу разбитой бутылки я не испытывал.

В поезде, забитом под завязку отдыхающими, возвращающимися в свои места временного или постоянного пребывания, одна молодая женщина попросила нас посмотреть за её дочкой лет пяти. Ирония была в том, что девочка была до того спокойна и серьёзна, что казалось, это она за нами присматривает. Снова отъезд и слёзы.

¹⁰ Малая земля в Новороссийске — это плацдарм времён Великой Отечественной войны и одноимённый мемориальный комплекс на южной окраине города.

В то время я учился в своём городе в магистратуре, но был очень разочарован уровнем предоставляемых образовательных услуг. Катя нашла мне программу в Москве, как казалось, более соответствующую моим интересам. Это событие стало одним из важнейших в моей жизни.

Первая встреча с ней в Первопрестольной произошла уже в декабре. Мы сняли номер в хостеле на Цветном бульваре, гуляли по снежным улочкам города, я хотел показать ей те места, которые нравились мне самому. Так мы посетили Донской монастырь, где после прогулки по некрополю зашли в монастырскую трапезную. Купив еды, мы решили сесть, однако все столы были заняты, и за одним из столов на четыре места сидел одинокий мужчина в капюшоне. Я обратился к нему с вопросом, можем ли мы составить ему компанию за столом, и ко мне повернулось опухшее лицо с огромным синяком под глазом, радостно подтвердившее такую возможность. Мы начали молча есть, однако мой сосед решил со мной побеседовать, спросил, кто эта девушка, и, узнав, что это моя возлюбленная, похвалил мой выбор и в жестах порекомендовал заниматься повышением демографии. После этого он поинтересовался, сколько я дал бы ему лет, и даже снял капюшон. На меня смотрели плохо сфокусированные глаза с фингалом и оплывшая физиономия с подстриженными ёжиком волосами, возможный возрастной спектр был от 15 и до 60. Я решил сказать что-то среднее и назвал возраст 30 лет, на что он усмехнулся и сказал, что

больше. Оказалось, что ему 32, и он так хорошо выглядит из-за ежедневных утренних пробежек. Далее сей господин начал активно просить купить ему сигарет, на что получил отказ и альтернативу в виде оливье.

На выходе из монастыря, когда Екатерина была расстроена из-за произошедшего, к нам обратилась пышнотелая женщина с комически тонким на её фоне мужчиной и попросила сфотографировать их у ворот монастыря, для чего мне пришлось выйти на дорогу. Казалось бы, уже произошли две странные встречи подряд, но пройдя метров триста до трамвайной остановки, я услышал оклик бабушки, которая спрашивала, куда идёт подошедший трамвай. Отвечая ей, я чуть не опоздал на посадку в тот самый трамвай.

Вечерние прогулки с Катей по заснеженным окрестностям Цветного бульвара, ожидание её возвращения с мероприятия вечером у станции метро (однажды пришлось поднимать падающего бездомного) во многом повлияли на моё романтическое отношение к Москве.

Ещё мне запомнилось, как она «штурмовала» деканат биофака МГУ, пока я, ожидая её, разгуливал по университетскому городку. Стоит отдать должное, отсутствие ремонта корпусов середины прошлого века неплохо помогает сохранить подлинный архитектурный облик комплекса — я не говорю об удобстве, но с точки зрения эстетики деревянные окна и двери со скрипучим паркетом вызывают приятные ощущения по сравнению с бездушным дешёвым пластиком,

который используют в большинстве учреждений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.